

18+

Владимир Тормышов

Вампир Таня в аду

Владимир Тормышов

Вампир Таня в аду

«Издательские решения»

Тормышов В.

Вампир Таня в аду / В. Тормышов — «Издательские решения»,

В аду сломался план по экзистенциальному ужасу. Архангел Гавриил махнул рукой, и в преисподнюю заехала Таня из Двуречек. Северный котел: +45, наши жарят шашлык на лаве. Южный котел: вечная мерзлота, там дочь вампира Тани — Кристина ведет блог «Хроники Снежной королевы». Восток: идеальный порядок и лучший кофе. Запад: бардак и румба. Люцифер ушел играть в приставку. Грешники требуют перерасчета страданий. Смола течет, черти бастуют. Ад стал обычным российским ЖЭКом, только котлы погорячее.

© Тормышов В.

© Издательские решения

Содержание

Вампир Таня в аду	6
Аннотация	6
Петух против вампира	7
Тоска в Двуречках	9
Вампирская тоска и демоническая ипотека	10
Рыбалка в Двуречках, или Особенности национальной нежити	11
Самогон «Русалочий хвост» и квантовая неопределённость	13
Операция «Дно», или Как Таня с Глафирой раков будили	15
Самогон «Рачья слеза», или Декамерон в тине	17
Где моя клешня?	19
Тост за самок	21
Декорации для утопленников	23
Как Таня из Двуречек с домовым знакомилась	27
Звонок из преисподней	28
Чемпионат мира	29
Ленин и коты: хроника локальной вендетты	30
Демонический кризис Кристиночки	32
Бык Петрович и грехи молодости	34
Психотерапия для нежити	37
Инфоцыгане	41
«Курс личностного роста? Без лицензии?»	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Вампир Таня в аду

Владимир Тормышов

© Владимир Тормышов, 2026

ISBN 978-5-0071-0815-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вампир Таня в аду

Аннотация

Когда дом оказался тесным с вечно моргающим светом, вампир Таня из Двуречек психанула и ушла в ад по собственному желанию. Архангел Гавриил перекрестился левой рукой и подписал обходной лист за три секунды.

Таня думала, что едет домой, к агроному Михалычу и рассолу бабы Клавы, но логистика загробного мира снова дала сбой. Грузчики промахнулись этажом ниже. Теперь у Тани прописка в Центральном секторе Ада. Это такой Мытищи-стайл: очередь грешников стоит от входа до Страшного суда, в администрации пахнет валерьянкой и несвежим печеньем, а местный завхоз Люцифер ходит в растянутых трениках и жалуется на нехватку смолы для текущего ремонта котлов.

Теперь она живет и работает там, где раньше только страдали.

География ада оказалась сложнее, чем план застройки Балашихи:

Северный котел. Там плюс сорок пять в тени, топят так, будто завтра отключат газ навсегда. Живут исключительно наши. Мужики в майках-алкоголичках играют в домино костями врагов, жарят шашлык прямо на лавовых пузырях и матерятся на чертей за то, что те плохо заделали швы при укладке магмы. Здесь Таня чувствует себя как на родительской даче — уютно, шумно и все пытаются всучить ей банку огурцов «от тещи».

Южный сектор. Кондиционеры воют со времен ледникового периода. Вечная мерзлота, пингвины ходят хмурые. Тут прописалась Кристина, дочь Тани. Девочке восемнадцать, она эстетка, носит черное и считает, что бледность — это не признак анемии, а фэшн. Папа у нее демон, поэтому Кристина сидит в сугробе, пьет кровь через трубочку (чтобы не портить помаду) и ведет блог «Хроники Снежной королевы». Рядом жмутся америкосы и европейцы. Они пытались судиться с администрацией из-за нарушения прав человека на климат-контроль, но их просто забыли разморозить перед заседанием.

Восточный котел. Там живут мусульмане, азиаты и австралийцы. Идеальный порядок, ландшафтный дизайн даже на берегах реки лавы, никто никуда не торопится, потому что всё предопределено. Местные джинны научили чертей варить лучший в мире кофе на песке. Таня сюда заходит выбивать долги по квартплате, выпивает пиалу чая, съедает рахат-лукум и забывает, зачем пришла. Выйти невозможно, ноги сами пускаются в танец живота.

Западный котел. Смесь бульдога с носорогом. Латинская Америка танцует румбу на вулкане, Африка стучит в барабаны, Канада вежливо извиняется перед каждым демоном за свой дым. Полный бардак, зато самый веселый район.

Центральный офис разрывается. Грешники требуют перерасчета страданий («Мне обещали вечную зубную боль, а тут всего лишь сверлят без обезболивающего!»), черти бастуют, требуя молоко за вредность, а сверху спускают циркуляр: повысить уровень метафизического ужаса на 15 процентов.

Единственный, кто сохраняет дзен — это сам шеф ада, Вельзевул. Он просто заперся в кабинете с приставкой последнего поколения и делает вид, что управляет геенной огненной удаленно. Потому что когда рядом есть Таня, способная одной фразой про криво наклеенные обои вызвать кризис у архидемона, ад перестает быть страшным. Он становится обычным российским ЖЭКом. Только котлы погорячее и соседи бессмертные.

Петух против вампира

В деревне Двуречки есть два непреложных закона природы. Первый: самогон течет по четвергам и праздникам (а праздники у нас каждый день). Второй: петух Митрич кукарекает в четыре утра с точностью швейцарских часов, которые он украл у председателя.

Таня-вампир посадила герань — типичная городская интеллигентка, только бледная очень и от чеснока шарахается. Мы сначала думали — аллергия весенняя, потом заметили, что она днем спит как убитая. Ну, мало ли, человек устал. Работа нервная, в гостинице работает, и квартальные отчеты сами себя не сдадут.

А потом выяснилось страшное: Таня — нежить. Но знаете что? Самая приличная нежить на районе. Не то что эти городские готы из интернета — те всё страдают, томятся, стихи пишут про луну. А наша Таня просто хочет выпасться!

Но был у нас петух Митрич. Это не птица, это будильник с перьями и манией величия. Он считал себя дирижером деревенского оркестра под названием «Жизнь». В четыре ноль-ноль:

— КУКАРЕКУ!!!

И вся деревня просыпается. Коровы мычат спросонья, собаки воют, председатель сельсовета падает с кровати вместе с медалью «За взятие Берлина» (она у него вместо брелока).

Таня терпела неделю. Потом пришла к председателю жаловаться:

— Демонеев, можно вашего петуха... того... перевести на удаленку?

Председатель посмотрел на нее красными глазами (сам после вчерашнего):

— Татьяна, ты ж образованная женщина! Как я могу уволить символ деревни?! У меня план горит — надо три тонны зерна сдать государству, а тут ещё международный конфликт намечается между курятником и свиноводством. Терпи!

Таня пошла к самому Митричу. Тот сидел на заборе, чистил перья и выглядел как Наполеон перед Ватерлоо.

— Слушай, пернатый, — сказала Таня максимально вежливо. — Давай договоримся. Ты кукарекаешь в двенадцать дня. Я уже встаю обычно к этому времени...

Митрич посмотрел на неё сверху вниз (буквально) и ответил:

— Женщина, я кукарекал при Брежнев! Я видел, как развалился Советский Союз! Я пережил дефолт девяносто восьмого! И ты мне будешь указывать время?!

На следующий день Таня решила действовать хитро. Выключила все свои телефоны, зашторила окна чёрной тканью, купила беруши размером с картофелину. Легла спать в полдень.

Четыре утра. Кукареку!!!

Беруши вылетели из ушей со звуком пробки от шампанского. Таня села на кровати, глаза красные, волосы дыбом, изо рта показались клыки (от стресса всегда так бывает).

— ВСЁ, — прошипела она. — Объявляю вендетту. Кровную.

Но кого кусать-то? Петуха? Так он невкусный, жилистый. Да и вообще, вегетарианский период у неё начался после того случая с дядей Васей (тот теперь ходит и всем рассказывает, что кровь группы В+ похожа на прошлогодний компот).

Таня пошла в библиотеку. Читала всю ночь (ну, для неё это утро было). Искала способы борьбы с петухами. Нашла рецепт зелья забвения, но там нужен корень мандрагоры, а у нас в селю только корешки хрена продаются. Разница принципиальная, продавец Петрович объяснил популярно.

Тогда Таня вспомнила, что она бухгалтер. А бухгалтеры умеют считать. Она взяла блокнот, ручку и начала вычислять траекторию полёта петуха, силу звука его кукареканья, резонанс оконных стёкол...

К утру у Тани была готова презентация в PowerPoint. Называлась: «Оптимизация утренних вокальных практик домашней птицы методом стратегического перераспределения биоритмов».

Она принесла ноутбук к курятнику. Собрала всех кур, петухов (приехал даже соседский Рыжий на разборки), ворон, галок. Показала графики, диаграммы, расчёты экономической эффективности переноса кукареканья на 12:00.

— Видите? — говорила Таня, щёлкая лазерной указкой. — Если перенести основной пик голосовой активности на полдень, совокупная производительность птицефермы вырастет на четырнадцать процентов! Плюс экономия нервной энергии млекопитающих!

Петухи слушали внимательно. Даже головами кивали. Митрич молчал, переваривал информацию. Видимо, слово «совокупная» произвело впечатление.

— Ладно, — сказал он наконец. — Уговорила, очкастая. Буду кукарекать в полдень. Но! Одно условие.

— Какое? — напряглась Таня.

— По субботам устраиваем караоке. Песни восьмидесятых. Пугачёва обязательна. И чтобы подпевала!

Теперь в деревне Двуречки странный график жизни. Ночью бодрствуют люди: пьют чай, смотрят телевизор, ходят друг к другу в гости. Днём спят абсолютно все — даже мухи уважают режим. А в полдень раздаётся громкое:

— КУКАРЕКУ-У-У!!!

И следом из колонок: «Миллион алых роз! Миллион, миллион, миллион алых ро-оз!...»

Таня вышла на крыльцо, потянулась, улынулась всеми тридцатью двумя (включая бонусные):

— Вот теперь заживем!

Сосед дядя Вася выглянул из-за забора:

— Татьяна, а может, перенесем на час дня? Мне до магазина добежать надо...

— Договорились, Василийч! Митрич, сдвигаем расписание!

Петух вздохнул, поправил воображаемый галстук и начал настраивать микрофон. Деревня Двуречки готовилась к очередной смене эпох.

Тоска в Двуречках

Таня сидела на крыльце и тосковала. Не так, чтобы выть на луну — луна сегодня была дежурная, синяя, от неё даже комары дохли с перепугу. Таня тосковала интеллигентно, почитательски.

Умер её любимый писатель. Тот самый, который писал про сыщиков в плащах и женщин со сложным внутренним миром. Теперь мир у писателя стал совсем простым: черви, тишина и деревянный макинтош. А Таня осталась одна с недочитанной книгой под мышкой и вечностью впереди.

— Эх, — сказала Таня забору. Забор промолчал, потому что был гордый и из штакетника.

Дочь Кристина звонила редко. У неё сейчас «ад». В смысле, буквально ад. Вышла замуж за Пафнутия, ипотека там выгодная, но свекровь — сука. Сосёт радость пылесосом. Кристина звонит только пожаловаться:

— Мам, он носки свои огненные опять в стиралку закинул! Вся центрифуга оплавилась!

А чем тут поможешь? Разве что святой водой поделиться, но она нынче дороже бензина.

Даже хаски Ленин предал идеалы революции. Раньше сидел рядом, смотрел в глаза мудро, как генсек на съезде. А теперь повадился на охоту. На куриц.

Вчера притащил петуха. Гордый такой, хвост веером. Петух орёт благим матом, думает, его на расстрел ведут, а Ленин просто хочет похвастаться добычей перед хозяйкой-вампиром.

— Сволочь ты, Владимир Ильич, — вздохнула Таня, почесывая пса за ухом. — Курица-то в чём виновата? Она ж пролетариат пернатый!

Ленин чихнул и убежал снова. Видимо, брать почту и телеграф (курятник соседки бабы Зины).

Жизнь нежити в селе Двуречки вообще штука специфическая. Кровь пить скучно. Местные мужики после пятницы сами такие синие и холодные, что пока их прокусишь — все клыки обломаешь об перегар. Приходится питаться эстетикой.

Но какая тут эстетика? Писатели мрут один за другим. Пушкин давно истлел, Донцова пишет быстрее, чем Таня успевает читать, а Сорокин пугает сильнее, чем вид собственной челюсти в зеркале (которого нет, но воображение работает исправно).

Таня встала, поправила фату (ей она шла больше, чем саван) и пошла в сарай. Там у неё хранился НЗ — неприкосновенный запас самогона тройной очистки. Если уж тосковать, то качественно. Чтобы утром голова болела не вампирской пустотой, а нормальным человеческим похмельем.

Достала бутыль, гранёный стакан. Наливает.

И тут слышит — «Бздынь!» Это Ленин опять через забор сигает. И не один. За ним бежит инопланетянин. Маленький, зелёный, антенны трясутся.

Видимо, гуманоид заблудился. Или решил, что раз курицы есть, значит, где-то рядом и высший разум прячется.

Таня посмотрела на стакан, потом на пришельца.

— Ну заходи, брат по разуму, — говорит. — Только лапы вытри. И клюв спрячь.

Тоска потихоньку начала отступать. Вечность обещала быть интересной. Особенно если научить Ленина охотиться на летающие тарелки.

Вампирская тоска и демоническая ипотека

Тоска у Тани была не простая, а премиальная. Сельская, густая, как сметана в сельпо по четвергам. Она сидела на крыльце своего дома и смотрела на горизонт. Там ничего не происходило. Вообще ничего. Даже вороны летали медленно, экономя калории.

Вампирство — это вам не «Сумерки». Это когда тебе двести лет, ты прекрасна, бессмертна, а поговорить не с кем, потому что клыки цокают об одиночество.

Тут телефон зазвонил. Мобильник-то Таня держит в гробу, завернутым в фольгу, чтобы батарейка не разряжалась от вечности. На экране светилось: *«Кристиночка — Ад»*.

— Алё, — сказала Таня мертвым голосом.

— Мамуль! — заорала трубка так, что Ленин вздрогнул. — Я развелась!

Таня села ровнее. Развод в Аду — это серьезно. Там брачные контракты подписываются кровью девственниц, а делят обычно сковородки тефлоновые.

— Как же так, доченька? Пафнутий же был такой перспективный... Инкуб-менеджер среднего звена. Своя пещера в ипотеку на 500 лет...

— Да ну его в геенну, мам! — всхлипнула Кристина. — Он носки свои копытные под диваном прятал! И свекровь... Ты не представляешь! Она суккуб-пенсионерка, она мою молодость пылесосом всасывает просто проходя мимо! Я ей говорю: «Мама», тьфу, «Свекро-демонесса, давайте границы уважать!», а она мне рога правит пассатижами и говорит, что я плохо жарю грешников! Грешники подгорают, мам! У меня духовка барахлит, там клапан выпускного греха заржавел!

Таня молчала. Материнское сердце ныло. Хотелось приехать, дать этой старой перечнице-суккубу лопатой по горбу, но визы в Преисподнюю сейчас дают только по записи через Госуслуги, а у Тани аккаунт заблокирован после случая с паспортным столом в 1987-м.

— Ладно, котёнок, — вздохнула Таня. — Не реви. Найдешь ты себе нормального. Чтоб без ипотеки.

— Ага, — буркнула дочь. — Нормальные все либо ангелы занудные, либо люди. А люди хрупкие, их сожрал — и три дня изжога святостью мучает. Всё, мам, у меня тут котёл номер 42 вскипел, бегу. Целую в ключицу!

Связь оборвалась.

Таня вышла во двор. Возле будки сидел хаски Ленин. Сидел он философски, задрав морду к небу. В зубах у него была курица соседки бабы Нюры. Курица была мертвая, но судя по выражению лица Ленина — счастливая.

Ленин посмотрел на хозяйку одним глазом. Потом тяжело вздохнул. Из собачьей пасти вырвался звук:

— Б*я-а-а...

Таня замерла. Хаски почти начал материться. Это был знак. Когда северная ездовая собака, названная в честь вождя мирового пролетариата, начинает использовать обценную лексику — значит, кризис накрыл даже животный мир.

— Ильич, — строго сказала Таня. — Следи за базаром. Ты всё-таки символ эпохи.

Ленин выплюнул курицу. Посмотрел на небо, потом на дохлую птицу, потом снова на Таню. В глазах его читалось глубокое понимание тщетности бытия. Типа: «Хозяйка, какая эпоха? Тут перья одни. Жизни нет».

Таня присела рядом. Погладила пса между ушами.

— Ничего, брат. Прорвёмся. Пойдем лучше самогона хряпнем. За твою и мою загубленную нежность.

Ленин гавкнул одобрительно, но цензурно. Революция достоинства продолжилась.

Рыбалка в Двуречках, или Особенности национальной нежити

У вампира Тани из села Двуречки началась депрессия. Не та аристократическая бледная грусть с бокалом вина, а нормальная такая, сельская хандра. Когда хочется лечь лицом в подушку и чтобы баба Зина через забор орала не «Танька, верни тятку!», а что-нибудь жизнеутверждающее.

— Надо развеяться, — сказала Таня своему хаски Ленину.

Ленин поднял одно ухо. Второе осталось висеть, потому что оно у него было демократичное и имело свободу воли. Ленин вообще был собакой сложной судьбы: во-первых, он был черно-белым, как октябрьский переворот, во-вторых, наглым, как управляющая компания, а в-третьих, его звали Владимир Ильич. Полностью. Попробуйте покричать на улице «Володя, фу!» — сбегутся коммунисты старшего возраста проверять взносы.

— Пойдем на рыбалку, — решила Таня.

Рыбалка для вампира — это особый вид спорта. Удочки у них нет, сети тоже зачем-то серебряные купили по скидке (теперь лежат в чулане, светятся). Вампир ловит рыбу харизмой. Ну, или ногами.

Пришли они к реке Вонючке. Название историческое, там при Екатерине баржи застряли от стыда за лоцмана. И воняло тогда жутко.

Сидят. Рассвет занимается. Красота такая, что даже мертвым завидно.

Таня закинула ноги в воду. Сидит, гипнотизирует мальков взглядом серийного кредитора.

— Ловись, рыбка, большая и трезвая...

Рядом сидит Ленин. У Ленина своя метода. Он смотрит на поплавок соседа дяди Васи так, будто этот поплавок ему должен денег с 2014 года. От взгляда Ленина любой карась сам выбрасывается на берег, делает харакири плавником и пишет предсмертную записку: «В жабрах пустота».

Тут клюёт у Тани. Но не на удочке. Ногой она зацепила сома. Огромного, древнего, который помнил ещё татаро-монгольское иго и кредит под залог шкуры.

Сом понял, что его держит конечность, которая холоднее налоговой проверки. Дернулся.

Таня дернула ногой в ответ — рефлекс.

Итог: Таня летит головой в камыши, а сом вылетает из воды по баллистической траектории и приземляется прямо в корзину бабе Нюре, которая шла сдавать анализы в поликлинику. Баба Нюра теперь думает, что у неё белок повышенный до уровня чешуи.

Ленин посмотрел на хозяйку, потом на улетающего сома. И впервые в жизни попытался сказать слово целиком:

— Ё*... — начал он торжественно, глядя на философскую бессмысленность бытия, но осёкся. Всё-таки культурная собака, хоть и революционер. Ограничился тяжелым вздохом астматика.

К обеду улов был скромный: один башмак деда Егора, утопленный еще при царе Горохе, и русалка. Русалка была недовольна, пахла тинной и требовала позвать менеджера.

— Девушка, я тут лежу загораю, икру метать мешаешь! — возмущалась она, прикрываясь лилиями. — Я буду жаловаться в Рыбнадзор!

— Да ладно тебе, — миролюбиво сказала Таня. — Пошли лучше ко мне, самогона выпьем. У меня огурцы хрустящие, душа болит.

Русалка посмотрела на бутылку мутного первача, потом на свои три чешуйки на животе.

— А знаешь... плесни. Только немного, а то хвост развезет, муж-лещ дома прибьет.

И сидят они на берегу: вампир, хаски Ленин, матерящаяся русалка и мёртвый сом в корзине для анализов. Солнце садится. Лепота.

Только комары почему-то над Таней кружат и плачут. Им кровь нужна, а у неё сплошная меланхолия вместо гемоглобина. Невкусно.

— Эх, — сказал Ленин и почесал задней лапой за ухом. — Жизнь-то... того этого... налаживается.

И съел второй башмак. Для баланса вселенной.

Самогон «Русалочий хвост» и квантовая неопределённость

В селе Двуречки вечер пятницы наступает не по часам, а когда у бабы Зины начинает квохтать курица-предсказательница. Таня-вампир сидела на берегу реки Вонючке. Ноги в воде — для охлаждения внутреннего реактора тоски.

Рядом плеснуло.

— Ты кто? — спросила Таня, даже не поворачивая головы. В Двуречках удивляться перестали еще при Иване Грозном.

— Русалка я, — ответила зеленоватая дама, поправляя прическу из тины. — Меня Глафира зовут. Устроилась тут недавно. Вода хорошая, ил мягкий, ипотека бесплатная. Только мужики все скользкие.

— А я Таня. Вампир. Квартира своя, вечная жизнь в комплекте, но соседи шумные. Петухи орут до рассвета, сволочи.

Глафира подтянулась на коряге поближе. От неё пахло свежим карасём и разочарованием.

— Скучно, Тань. Хвост мхом порос. Может... того? По маленькой? Для расширения русалочьего сознания?

Таня мрачно улыбнулась уголком рта, обнажая клык, которым можно открывать консервированные помидоры без открывалки. Достала из-под мостка банку. Внутри плескалась жидкость цвета революции и настроения сантехника.

— Самогон. На мухоморах. Баба Зина гонит. Говорит, рецепт от прабабки-ведьмы остался. Называется «Белочка пришла».

Они стукнулись банками. Звук был глухой, как совесть депутата.

Выпили.

Первые пять минут ничего не происходило. Потом река начала течь вверх. Небо стало фиолетовым в зеленый горошек.

— О, началось, — констатировала Таня, наблюдая, как Ленин (хаски) превращается в бюст Маркса и обратно. — Хорошие грибочки бабуля подкинула.

— Слушай, — икнула Глафира, её хвост начал светиться неоном и отстукивать на азбуке Морзе ругательства матом. — А давай позвоним твоей дочке Кристине в Ад? Узнаем, как там демоническая свекровь поживает.

Таня достала телефон Nokia 3310. Телефон тоже выглядел живым и попытался уползти в камыши.

— Алё, Пекло? — сказала Таня в трубку.

Из динамика вместо голоса дочери раздалось шипение масла:

— Бургеры с кровью грешника! Соус барбекю из бухгалтеров! Акция: купи десять казней египетских, одиннадцатая в подарок!

— Ой, — сказала Глафира. — Кажется, мы попали в Макдоналдс Преисподней.

Тем временем берег начал менять очертания. Из воды вылез сом размером с маршрутное такси. Он посмотрел на девушек строгими глазами участкового и сказал голосом директора школы:

— Почему опоздали на линейку? И почему одна из вас босиком? Застудите плавательный пузырь!

— Мы умерли, — пояснила Таня рыбе. — Нам теперь всё равно, застудим или нет.

Сом обиделся, выпустил пузырь воздуха, который превратился в голову Никиты Михалкова, и ушел под воду, бурча что-то про духовность.

— Пошли ко мне на дно? — предложила Глафира. — Там раки танцуют ламбаду.

— Раки? — оживилась Таня. — Я их боюсь. Они же ходят назад. Это нарушает пространственно-временной континуум. Если рак пойдет назад во времени, он встретит своего дедушку и ущипнет его за клешню. Парадокс!

В этот момент мимо проплывала лодка деда Егора. Дед Егор ловил рыбу сетью, но сеть была вязана из нервов бывшей жены, поэтому она сама загоняла ему окуней. Дед увидел двух женщин на берегу, которые спорили с кустом о теории струн, и перекрестился левой ногой.

— Допились, — прошептала Таня, глядя, как голова Ленина на плечах хаски сменяется головой Че Гевары. — Ленин мутирует в кубинского революционера. Историческая справедливость торжествует.

— Девки! — крикнул дед Егор. — Вы щуку видели? Она только что спела арию Ленского и попросила закурить!

— Закури ей сам, старый хрыч! — огрызнулась Глафира. — У нас тут кризис! Мой хвост чувствует вибрации вселенной, а вампирша хочет обнять осьминога!

Операция «Дно», или Как Таня с Глафирой раков будили

У русалки Глафиры началась ломка по социализации. Сидеть на коряге и жаловаться на жизнь можно неделю, но потом чешуя тускнеет, а в глазах появляется то самое выражение, которое бывает у кассирши в «Пятёрочке» перед зарплатой.

— Тань, — сказала Глафира, болтая хвостом в мутной воде реки Вонючке. — Пошли ко мне? У меня там раки.

Таня-вампир вздрогнула. Раки для нежити — это как налоговая для живого: неприятно, щиплется и пугает назад, нарушая все законы физики.

— Они же... эти... членистоногие экстремисты, — попыталась отбрыкаться Таня. — Ходят задом наперёд. Я когда такое вижу, у меня мой внутренний готический замок даёт трещину. Мне нужен порядок! Вперед головой!

— Брось, — махнула плавником Глафира. — Нормальные ребята. Просто они так видят будущее. Мы идём вперёд, не зная что там, а они уже смотрят, откуда драпать будем. Мудрые твари. И самогон уважают.

Аргумент про самогон был решающим. Вампирская душа требовала праздника, даже если этот праздник будет пахнуть болотом.

Глафира нырнула первой, подняв фонтан брызг. Таня вздохнула. Вечная жизнь хороша всем, кроме того, что тебе периодически приходится задерживать дыхание ради сомнительной компании. Она набрала полные лёгкие воздуха (запахло сыростью и прошлогодними листьями) и ушла под воду.

Под водой было темно и грустно, как в душе бывшего мужа. Проплывали водоросли, похожие на спагетти, которые забыли слить ещё в прошлом веке.

Внизу виднелось поселение раков. Это была настоящая Рублёвка речного дна. Норы огорожены затонувшими велосипедными корзинками, вместо фонарей — утопленные китайские садовые гномы со светящимися глазами.

Раки сидели возле своих коттеджей, играли в карты (листья кувшинки) и делали ставки на водомерку.

— Эй, народ! — крикнула Глафира, выпустив пузырь, который превратился в портрет Черномырдина. — К вам гости из высших сфер!

Самый главный рак, старый, поросший мхом Петрович, медленно повернулся. Один ус у него был завязан морским узлом — видимо, вчера гуляли.

— Опа, — сказал рак голосом уставшего участкового. — Русалка. А это кто с тобой? Синяя вся, холодная, глаза горят. Наркоманка?

— Я вампир, — обиделась Таня. — Интеллигентная нежить. Пришла культурно отдохнуть.

— Отдыхать будете на том берегу, где кладбище, — отрезал Петрович. — У нас тут режим. Тихий час. Мы после обеда перевариваем плотву, нервная система расшатана.

Переговоры зашли в тупик. Раки попрятались в норы, выставив наружу только боевые клешни. Выглядело это как противотанковый ёж, только мокрый и недовольный.

— Ладно, — прошептала Таня. — Действуем по плану «Б».

План «Б» заключался в использовании Ленинского обаяния. Не зря она назвала хаски Ильичом. Где революция — там экспроприация.

Таня достала из-за пазухи банку. Внутри сидел Ленин (хаски). Ну как сидел... он скулил через стекло, потому что дышать под водой собакам сложно, а революционная сознательность кислород не вырабатывает.

— Открывай, — скомандовала Таня.

Она открыла крышку прямо перед носом главного рака Петровича. Хаски высунул мокрую наглую морду и издал звук:

— Ав! (Что в переводе с собачьего означало: «Вся власть советам!»).

Клешня Петровича дернулась. Он посмотрел на собаку, которая дышит под водой без жабр. Потом на Таню. Потом снова на собаку.

Это противоречило законам природы, биологии и здравого смысла села Двуречки. Рак такого когнитивного диссонанса вынести не мог.

— Мужики! — заорал Петрович, забыв про тихий час. — Атас! Там сухопутная псина водоплавающая! Щас кусать будет!

Паника среди членистоногих — зрелище эпичное. Раки начали бегать кругами, сталкиваться лбами и падать на спину. Пятиться назад им мешали собственные панцири соседей.

— Лови их! — визжала Глафира, хватая самых крупных. — Вот этого жирненького! У него взгляд умный, философский!

Самогон «Рачья слеза», или Декамерон в тине

В селе Двуречки пьют все. Куры — росу с лопухов, дед Егор — тормозную жидкость по праздникам, а нежить и нечисть — исключительно первач бабы Зины. Баба Зина гнала так, что Минздрав бы плакал, а Роспотребнадзор оформил инвалидность.

Таня-вампир сидела на речном дне как у себя дома. Ну, почти. Дома было суше, но на дне бесплатная парковка для русалок. Рядом пузырилась Глафира. Она поправляла лифчик из старых ракушек и пыталась пригладить волосы, которые от пресной воды стояли дыбом, как у Эйнштейна после удара током.

— Ну что, мальчики, — сказала Таня, обращаясь к группе раков, обступивших их полукругом. — Будем знакомиться?

Главный рак, Петрович (тот самый, с усом морским узлом), выдвинулся вперед. В клешне он держал наперсток. Настоящий алюминиевый наперсток, украденный со швейной машинки покойной учительницы труда.

— Мы это... интеллигенция местная, — прохрипел рак голосом человека, который курит с рождения жабрами. — Не какая-нибудь там плотва дикая. У нас тут эстетика.

Эстетика заключалась в том, что вместо стола они использовали старый уют «Чайка», лежащий в иле с 1982 года.

Глафира достала из-за водорослей бутыль. Внутри плескалась янтарная смерть.

— «Рачья слеза», — представила она. — Выдержка три дня. Настой на утопшем комаре и тоске.

Первый пошел Петрович. Он опрокинул наперсток.

Сначала ничего не происходило. Потом глаза рака начали вращаться в разные стороны, как счетчик такси. Один смотрел на Кассиопею, другой искал смысл жизни в донном осадке.

— Ох... — выдохнул пузырьками Петрович. — Это ж прям как в молодости, когда меня цапля проглотила! Такая же безысходность, но приятно!

Остальные раки тоже потянулись к бутылке. Пили культурно, по очереди, занюхивая речным сапогом.

Таня тоже выпила. Вампирская печень давно атрофировалась за ненужностью, поэтому самогон шел сразу в душу. Душа Тани была похожа на чердак старой дачи: пыльно, скрипуче и везде висят банки с соленьями обид.

— Хорошо пошла, — булькнула Таня. — Прям вот чувствую, как мои эритроциты прощаются друг с другом.

— Девки, — икнул раком соседний экземпляр по имени Василий (на спине у него была татуировка якоря, хотя откуда у рака спина?). — А давайте про любовь? Вот ты, вампирша. Ты чего бледная такая? Мужика нет?

— Есть, — мрачно ответила Таня. — Хаски Ленин. Но он больше по политической части. И по курам. Любовь у него чисто гастрономическая.

Раки заржали. Смех под водой похож на землетрясение и отрывку одновременно.

— Это фигня! — махнул клешней Петрович. — Вот у меня драма! Я свою Раяху вчера застукал с водяным скорпионом!

— Да ладно?! — ахнула Глафира, чуть не выронив хвост. — Он же ядовитый!

— Во-во! — заплакал пузырями Петрович. — Говорит, он темпераментный. А я что? Я просто назад хожу! Зато стабильно! У меня ипотека на нору в камышах, дети-рачата в школу планктона ходят...

К третьей дозе атмосфера накалилась до состояния браги. Ил вокруг начал светиться синим — это проснулись древние бактерии, решившие, что началась дискотека.

— Пятимся мы потому, — вещал пьяный Василий, пытаясь жестикулировать всеми лапами сразу, — что будущее оно... того... стремное! Чего туда смотреть? Там ЖКХ повышают и носки опять дырявые будут. Надо всегда знать путь к отступлению! Эволюция, мать её!

— Глубоко мыслишь, — кивнула Таня. — Почти как мой стоматолог. Тот тоже всё глубже лезет, говорит: «Корень ищу».

Глафира пустила слезу. Слеза упала на дно и прожгла ил до глины, потому что русалки плачут чистым аммиаком разочарования.

— Девочки... ой, простите, членистоногие братья... Как же хорошо-то! Никто не орет: «Глашка, иди борщ вари, демон пришел!» Сидим, люди... ну, существа. Красота.

Где моя клешня?

На дне реки Вонючке было уютно. Ну как уютно... Если вы считаете уютом температуру плюс четыре градуса, давление три атмосферы и запах забытой богом плотьвы, то вам бы понравилось.

Таня-вампи́р сидела на старой крыше от «Запорожца» и пыталась сделать вид, что она всё ещё аристократка. Это сложно, когда у тебя подол платья облепил корягу, а во рту привкус ила и несбывшихся надежд. Рядом пузырилась Глафира. Русалка расчесывала волосы старым гребнем из рыбьей кости и жаловалась на экологию.

— Девки! — крикнул главный рак Петрович. Он стоял на перевернутой кастрюле, как Ленин на броневике. В одной клешне он держал наперсток с самогоном, другой делал пассы, будто разгонял облака. — Чего приуныли? Сегодня пятница! Время высокой материи!

Пьяные раки — это отдельный биологический вид. Когда рак выпьет баб Зинино первача, его мозг увеличивается до размеров грецкого ореха (снаружи), и он начинает понимать устройство Вселенной. Правда, выводы делает специфические.

Первым взял слово Василий. У Василия не хватало двух лап, одного глаза и самоуважения, но зато была харизма утопленника-философа.

— Вот смотрите, граждане бентоса, — начал он, шатаясь. — Почему мы назад ходим?

Раки замерли. Вопрос был вечнее, чем очередь в поликлинике.

— Потому что будущее — обман! — рубанул воздух клешней Василий. — Вы туда идёте, глазами хлопаете: «Ой, кувшинка новая! Ой, солнышко!» А там бац — сеть! Или дед Егор с вилами. А назад-то мы уже ходили! Там проверено. Там только сапог деда Егора, но он мягкий, я там вчера спал. Эволюция, мать её! Мы самые мудрые существа на планете. Мы живём спиной вперед!

Раки одобрительно защелкали клешнями. Звук был похож на аплодисменты в кинотеатре для слабослышащих.

— Верно глаголет! — поддержал Петрович, допивая наперсток одним глотком. От самогона его панцирь заблестел ярче, а взгляд стал абсолютно стеклянным. — Я вот смотрю на вас всех... И думаю о тщете. Вот ты, Танюх. Ты мертвая? Мертвая. Ходить можешь? Можешь. Красивая? Ну... по нашим сельским меркам — Софи Лорен. Так почему тебе грустно?

— У меня писатель любимый умер, — булькнула Таня. Пузырьки воздуха полетели вверх, где их ждала свобода и бакланы. — Читать больше нечего. Всё остальное — Донцова.

— Дичь какая, — посочувствовал рак. — Не читай. Живи так. Вот я грамоте не обучен, живу же! Главное — хвост держать пистолетом. То есть вперед, чтобы тормозить быстро.

Глафира икнула. От её икоты со дна поднялись пузырьки метана и старый носок деда Егора.

— А любовь? — спросила русалка, поправляя бюстгальтер из ракушек, который явно хотел совершить побег. — Есть она?

Тут поднялся такой гвалт, что приплыл сонный сом-охранник посмотреть, не митингуют ли тут против водорослей.

— Любовь — это кредит! — орал безусый юный рак. — Сначала тебе дают все плавники, потом требуют проценты в виде червяков, а заканчивается тем, что тебя выселяют из норы под камень!

— Нет, любовь — это паразит! — возражал усатый старожил Филимон. — Прицепится к сердцу и сосёт! Но приятно..

Петрович слез с кастрюли. Его начало штормить. Клешни выписывали в воде фигуры высшего пилотажа.

— Жизнь прожить — не реку переплыть, — глубокомысленно заявил он, глядя прямо в мертвые очи Тани. — Вот скажи мне как нежить нежить... В чём смысл?

Таня задумалась. Обычно ей задавали вопросы типа «А чеснок точно нельзя?» или «Почему ты не блистешь на солнце?». Про смысл жизни на дне спрашивали впервые.

— Смысл в том, — сказала Таня, — чтобы утром проснуться и понять, что похмелье болит не у тебя, потому что у тебя нет пульса. Мелочь, а приятно.

— Глубоко, — уважительно щелкнул клешней Петрович. — Наливай вторую.

Тост за самок

На дне реки Вонючке шёл банкет. Настоящий, с размахом. Если бы тут оказался ревизор из Рыбнадзора, он бы умер от зависти ещё на входе, запутавшись в серпантине из водорослей.

Таня-вампир сидела на коряге и чувствовала себя как учительница литературы на выпускном в ПТУ — страшно, мокро и хочется домой к Достоевскому. Рядом пузырилась Глафира. Русалка пыталась прикрыть декольте лопухом, но лопух всё время уплывал к поверхности искать солнце и лучшую жизнь.

Гостей было много. Весь раковый бомонд Двуречек: Петрович (председатель), Василий (интеллигент без лапы) и молодёжь, которая путалась в клешнях и собственном величии.

В качестве посуды использовали напёрстки деда Егора, найденные на месте крушения его штанов прошлым летом. Самогон баба Зина гнала такой, что даже ил сворачивался кольцами от запаха.

— Ну что, господа членистоногие! — пробасил Петрович, поднимая свой наперсток. От самогона его панцирь уже приобрёл благородный фиолетовый оттенок. — Первый тост мы пили за встречу. Это святое. Мы ж не какие-нибудь караси-уклейки, мы традиции чтим!

Раки дружно звякнули хитином о хитин. Звук был похож на падение мешка с вилками.

— А теперь! — Петрович сделал драматическую паузу, во время которой мимо проплыла дохлая плотва, отдав честь хвостом. — Второй тост! Он самый важный. За наших самок!

Таня переглянулась с Глафирой. Та пожала плечами. У русалок брачные игры выглядят так, будто две селёдки делят один огурец, поэтому тема была ей близка чисто теоретически.

— Что такое самка рака? — продолжал философствовать Петрович, оседлав старый утюг «Чайка». — Это вам не просто кусок панциря с претензиями! Это... это космос!

Он икнул пузырьками.

— Вот моя Райка... Утром просыпаюсь — она уже молчит. Красота! Но стоит мне чуть-чуть задержаться на охоте за падалью... Вы видели её взгляд? Я когда этот взгляд вижу, я пятюсь назад со скоростью звука! Даже если впереди сеть бабы Зины! Потому что лучше уж в уху, чем слушать про ипотеку на новую нору под тем берегом.

Молодые раки сочувственно щёлкнули клешнями.

Василий, который считал себя вольнодумцем, высунулся вперёд:

— А моя-то, а! Говорит: «Почему ты ходишь задом?» Да потому что будущее страшное! Там свекровь-суккуб может быть! Или налог на ил повысят! Я спиной иду, чтобы контролировать периметр! Безопасность семьи прежде всего!

— Золотые слова! — всхлипнул кто-то из угла. — Моя вчера заставила меня обои в норе переклеивать. Обои! Раку! В темноте! Где логика?

Петрович сурово постучал по утюгу пустой клешнёй, требуя тишины.

— Тихо, малёк! Не позорь коллектив. Запомни правило жизни: жена всегда права. Даже когда неправа, она правее тебя, потому что у неё клешни красивее накрашены. И морда скорбная. Против скорбной морды ракового мужа нет приёма.

Таня наклонилась к уху Глафиры (которое было похоже на застывшую лапшу).

— Слушай, — булькнула она. — А чего они такие подкаблучники? Они же вооружённые силы дна. У них броня есть. Можно же того... цапнуть...

— Эх, деревня, — вздохнула Глафира, поправляя съехавшую набок диадему из чешуи. — Ты думаешь, почему мы, русалки, мужиков топим? Потому что пока сама не утопишь — фиг ты его уложишь нормально книжки читать. А эти хоть честные. Выпьют — и плачут. Мой бывший водяной вообще после третьей бутылки начинал стихи писать про то, как тяжело носить ласты сорок пятого размера.

Петрович снова потребовал внимания. Его глаза смотрели в разные стороны эпохи.

— Братья! Третий тост будет стоя! То есть... вися на спине! Короче, как получится! Наливай!

Ленин (хаски), которого Таня держала в водонепроницаемом пакете для мусора (в пакете была дырочка для носа), начал скулить. Ему надоело смотреть на подводную оргию через полиэтилен, и он хотел наружу, ловить куриц и свергать мировой империализм.

Декорации для утопленников

На дне реки шёл третий час культурного обмена.

Таня-вампир чувствовала себя как экспонат в музее мелиорации. Вода давила на уши, подол платья стал тяжелее кольчуги, а изо рта вместо изящных фраз вырывались только пузырьки с матом.

Рядом пузырилась Глафира. Русалка была в своей стихии: она висела вниз головой, зацепившись хвостом за корягу, и подпевала ракам. Раки пели «Владимирский централ», но из-за отсутствия связок это звучало как скрежет пенопласта по стеклу, исполняемый симфоническим оркестром паралитиков.

— ...за север, за волю, за добрую долю! — хрипел главный рак Петрович, дирижируя клешней. От самогона баба Зины его панцирь приобрёл цвет перезрелого баклажана.

И посреди этого подводного шансона сидел хаски Ленин. Вернее, он не сидел. Он стоял. В водонепроницаемом пакете (Таня гуманная хозяйка, пакет был плотный, с ручками).

Ленин смотрел на этот пир духа глазами судьи Дредда. Один глаз голубой, другой коричневый — оба выражали крайнюю степень классового негодования.

Сначала Ленин просто скулил. Пузыри шли ритмично: «У-у-у... я скорблю о судьбах пролетариата...»

Потом он начал лапами рвать полиэтилен. Таня наступила ему на поводок (который тоже уходил под воду), пытаясь сохранить статус-кво.

— Тише, Владимир Ильич, — прошипела Таня сквозь зубы, стараясь не выпускать остатки кислорода. — Мама пьёт. У мамы кризис среднего вечности. Не мешай маме общаться с электоратом.

Но Ленину было плевать на электорат. Ему было скучно. Курицы остались на берегу. Идеи мировой революции здесь никто не поддерживал — раки были слишком заняты самокопанием и самогоном.

В какой-то момент Ленин решил, что дипломатия исчерпана. Он упёрся всеми четырьмя лапами в дно пакета и издал звук взлетающего бомбардировщика. Пакет треснул.

Холодная вода хлынула внутрь. Хаски вдохнул полной грудью. Не от радости — от возмущения.

Он выплюнул попавшую в нос тину, посмотрел прямо в фасеточные глаза Петровича и гавкнул так, что со дна поднялись ил, прошлогодние листья и сом, который спал там еще с мезозоя.

Гавкнула собака громко. Так громко, что у раков временно отказали задние ходильные конечности. Они замерли, забыв пятиться. Философия мгновенно вылетела из их голов вместе с остатками разума.

— Ой, всё, — сказала Таня. Она поняла, что сейчас либо случится международный скандал, либо Ленин начнет строить баррикады из утопленных сапог деда Егора.

Таня схватила Ленина за шкуру. Тот сопротивлялся, рычал и пытался прочитать ракам лекцию о прибавочной стоимости ила, но бульканье портило артикуляцию.

— Глаш, мы погнали! — крикнула Таня русалке. — Там революция без присмотра!

— Куда? — икнула Глафира, отрываясь от микрофона из рыбьего черепа. — А десерт? Будет торт из пиявок!

— Мы пришем почтой! — соврала Таня, волоча брыкающегося вождя мирового собаководства к поверхности.

Петрович очнулся первым:

— Стоять! Интеллигенция речная! Вы куда?! А поговорить про то, почему жизнь — боль?!

— В следующий раз! — бросила Таня через плечо. — Мне нужно выгуливать эту тоталитарную морду, пока он не объявил войну бобрам!

Выход на поверхность напоминал запуск баллистической ракеты. Сначала всплыл мусор. Потом Ленин, похожий на мокрый воротник. Затем Таня, которая тянула собаку вверх, используя навыки тяжелой атлетики.

Воздух показался Тане вкуснее, чем кровь девственницы-студентки филфака. Солнце ударило по глазам. Мир был ярким, тёплым и совершенно сухим.

Ленин немедленно вырвался, упал на траву и начал кататься, стряхивая с себя реку, её обитателей и чувство собственного достоинства.

— Ав-ав-бульк-гав! — доложил он кусту ивы. Что означало: «Эти декаденты потеряли связь с массами! Я предлагал им штурм Зимнего, а они мне наперсток мутной жижи суют! Невежество!»

Вампир по имени Таня жила в селе Двуречки так давно, что местный сельсовет уже трижды менял название на более жизнеутверждающее, но для Тани это ничего не меняло. Жизнь её состояла из тоски, комаров и попыток приготовить самогон из томатной пасты. Комары были единственной формой жизни, которая проявляла к ней искренний гастрономический интерес.

Но главной причиной вселенской скорби был писатель Владимир. Он приезжал в Двуречки лет сорок назад — подышать природой, попить парного молока и написать главу про ужас берёзовой рощи. Владимиру было тогда слегка за тридцать, у него была бородка чеховского интеллигента и взгляд человека, который точно знает, куда уходят ёжики умирать. Для Тани, почти живой и цветущей, он стал событием сродни падению метеорита. Она млела, краснела и один раз даже случайно перевернула ведро с молоком прямо ему на кирзовые сапоги. Это была любовь.

А потом случился нелепый инцидент с колхозным быком-производителем Борькой, основным колом, который оказался частью забора правления, и врачебной ошибкой фельдшера Игната. В общем, Таня умерла, а через три дня воскресла, она ж вампир, но уже с бледной кожей, отвращением к чесноку (которого она и при жизни не ела) и стойким желанием спать днём в прохладе погреба.

Владимир уехал в город на следующее утро после инцидента с Борькой, так и не узнав о глубине чувств вампириши. Он написал пару гениальных романов, получил премию, женился на редакторе издательства «Мысль» и умер от приступа коклюша в своей квартире, глядя на стену, где висел диплом. Его привезли хоронить в Двуречки, потому что здесь дешевле участок и вид лучше.

И вот каждую ночь вампир Таня шла на кладбище.

Она пробиралась между оградок, как тень отца Гамлета, если бы тот носил телогрейку и резиновые боты. Луна освещала табличку: «ВЛАДИМИР ТОРМЫШОВ (1966—20..). Покойся с миром. Мы тебя помним».

— Помнят они, — бурчала Таня, присаживаясь на соседнюю скамейку. — Небось, жена твоя красивая даже мусор подмести сюда не ездит. Всё дела, презентации, фуршеты с фуа-гра. А я тут одна страдаю во мраке.

Таня достала из-за пазухи потрёпанный томик рассказов Владимира. Обложка пахла сыростью и безысходностью. Она открыла его наугад:

«Снег ложился на стылую землю, словно саван на лицо уснувшего великана...»

— Эх, Володя, — вздохнула Таня. — Какой слог. Какая метафора. А носки-то штопал плохо. Я ж тебе тогда намекала...

Кладбище жил своей ночной жизнью. Где-то ухала сова, которую местные считали призраком бывшего бухгалтера. Пробежала кладбищенская собака Жучка, посмотрела на Таню с уважением (ещё бы, своя) и побежала дальше искать шашлык.

Таня положила книгу на могилу.

— Вот принесла тебе почитать. Свежак. Про любовь там есть немного, но всё больше про рефлексию интеллигенции. Тебе бы понравилось. Ты же любил копаться в душе человеческой... Правда, мою душу ты как-то пропустил. Там тоже богато. И тараканы имеются. Крупные такие, породистые.

Она замолчала, прислушиваясь к тишине. С креста сорвался ворон, каркнул что-то похожее на «Графиня изменившимся лицом бежит пруду» и улетел в сторону заброшенной фермы.

— Думаешь, дура? — спросила Таня у фотографии на памятнике. На фото Владимир был молод, красив и смотрел вдаль с видом победителя соцсоревнования. — Конечно, дура. Надо было тогда просто подойти, взять за руку и сказать: «Володя, пошли ко мне в сарай, я покажу тебе звёзды». Глядишь, жизнь бы иначе сложилась. Уехали бы в Воронеж. Или хотя бы в Липецк. А теперь что? Теперь я пью кровь у заблудившихся ежей, а ты лежишь тут, холодный и недоступный, как ипотека.

Из-под земли донёсся глухой звук. Таня вздрогнула. Земля на могиле писателя едва заметно шевельнулась.

— Господи, только не вставай, — прошептала она. — Я не накрутилась. Да и вообще, мы расстались. Неловко будет.

Земля снова дрогнула. Показалась рука. Белая, аристократичная, явно принадлежавшая не трактористу дяде Васе, которого похоронили вчера после конфликта с культиватором.

Таня зажмурилась.

— Только попробуй встать, и пойди искать живых, чтобы мозги у них есть. Я тебя упокою обратно. У меня осина заточена.

Рука пошевелила пальцами, нащупала край могилы и замерла. Послышался тихий, интеллигентный кашель.

— Кхм... извините, — сказал голос из-под земли. Голос был бархатный, с лёгкой хрипотцой, точь-в-точь как на аудиокассетах, которые Таня заслушала до дыр. — Вы не подскажите, какой сейчас год? И почему я чувствую себя как забытый черновик?

Таня осторожно приоткрыла один глаз. Над краем могилы показалось бледное лицо. Очень знакомое лицо.

— Две тысячи двадцать шестой, — сглотнув, ответила она. — От Рождества Христова. А от моего разбитого сердца — вечность плюс два понедельника.

Писатель Владимир подтянулся на руках и сел на краю собственной могилы. Поправил галстук, которого на нём не было, и строго посмотрел на Таню.

— Странно. Меня хоронили в костюме. Куда делся костюм? И почему вы сидите на могиле гражданки Пилипчук? Она, между прочим, заслуженный агроном района.

— Я совмещаю, — нашла Таня. — Сажу культурно, не мусорю. А костюм твой мошь съела. Хороший был костюм, бостоновый.

Владимир моргнул. Процесс возвращения с того света давался ему нелегко.

— Огород... — задумчиво произнёс он. — Да, помню. Капуста у вас знатная росла. И глаза. Огромные, испуганные. Я тогда подумал — какая глубокая душа в этом сельском пейзаже.

— Душа! — всплеснула руками Таня, чуть не выронив книгу. — Видите! Вы всегда видели только пейзаж! А я, между прочим, ради этой капусты три ночи не спала! Поливала её слезами неразделённой любви!

Писатель окончательно выбрался из могилы. Отряхнулся. Оглядел свои истлевшие брюки.

— Неразделённая любовь — отличная тема для новеллы, — оживился он. — Представьте: он лежит в земле, она ходит по ночам, питается грызунами, но чувства живы. Мистика быта. Назовём «Гемоглобиновая тоска».

— Издеваешься? — обиделась Таня. — Я тут страдаю, можно сказать, некротически, а он сюжеты собирает. Нет бы сказать: «Танечка, выходи за меня, пока нас утренняя смена сторожа не застукала».

Владимир посмотрел на восток. Небо начинало сереть.

— Нам пора, — сказал он неожиданно серьёзно. — Мне туда, — он кивнул неопределённо вверх или вниз. — А вам... вам нужно перестать ходить на кладбище. Найдите себе хобби. Вязание. Или блог заведите. «Записки сельского вампира». Наберёте миллион подписчиков.

— Не хочу я подписчиков, — тихо сказала Таня. — Хочу, чтобы вы меня заметили. Хотя бы сейчас. Когда уже поздно пить боржом и святой водой умыться.

Владимир подошёл к ней вплотную. От него пахло озоном, типографской краской и лёгким тленом. Совсем не страшно. По-домашнему.

— Заметил, — сказал он. — Ещё тогда, у сарая. Просто я был женат на литературе. А она, знаете ли, очень ревнивая и склочная баба. Хуже вашей гражданки.

Он нежно, почти невесомо коснулся холодными губами её лба.

— Прощайте, Татьяна. И спасибо за капусту.

Светало стремительно. Силуэт писателя начал таять, становясь прозрачным, как первый утренний туман над речкой Вонючкой.

— Подождите! — крикнула Таня. — А роман дописать? У вас же финал открытый остался!

— Финал — это самое интересное, — улыбнулся Владимир, исчезая. — Он всегда остаётся за читателем. Живите долго. Желательно — молча. Сторож идёт.

Таня осталась одна. Солнце выглянуло из-за горизонта, лизнуло верхушки старых клёнов. Вампириша ойкнула, запахнулась плотнее в шаль и быстрым шагом направилась в сторону села Двуречки.

По дороге она выбросила книгу в кусты крапивы. Достала телефон — старенький кнопочный Nokia, найденный на автобусной остановке месяц назад, — и зашла в раздел «Заметки».

Создала новый документ.

Назвала его: «Как я ходила свататься на кладбище, или Почему писателям нельзя верить, даже если они встают из могил».

Улыбнулась уголком бледного рта и начала печатать одним пальцем.

Как Таня из Двуречек с домовым знакомилась

Таня была вампиром. Не тем, что в плаще и с томным взглядом на афишах висит, а настоящим — деревенским, практичным, родом из села Двуречки Липецкой области. Кровь она пила исключительно куриную, потому что от человеческой потом голова болит и соседи косятся.

Жила Таня тихо, почти как все: огород копала (правда, только по ночам), козу доила (коза нервничала, но терпела) и даже ходила на сельскую дискотеку раз в месяц — ради атмосферы. Но однажды случилась беда: завёлся в доме домовый.

— Вот ещё не хватало, — сказала Таня, когда ночью кто-то начал греметь кастрюлями на кухне. — Мне тут нечистой силы одной мало было, теперь ещё этот...

Домовой оказался мелкий, лохматый, с бородой как у учителя труда. Звали его Кузьмич. Он сидел на холодильнике, болтал ногами и ел варенье прямо из банки.

— Ты чего здесь делаешь? — строго спросила Таня, поправляя клыки во рту.

— Живу я тут, — ответил Кузьмич невозмутимо. — Дом старый, бесхозный был. А ты хоть и нежить, но хозяйственная. Я таких люблю.

Таня вздохнула. В учебнике «Вампирское домоводство» про такое не писали. Там вообще главы про домовых не было — видимо, авторы считали, что приличная нечисть должна жить одна, с котом и тоской.

— Ладно, — сказала она. — Только чтобы порядок был. И чтоб без этих ваших народных традиций вроде прятанья моих тапок.

— Тапки я прячу для профилактики, — объяснил Кузьмич. — Чтоб жизнь мёдом не казалась. У меня должностная инструкция такая.

С тех пор они зажили душа в душу. Кузьмич гонял мышей, Таня приносила ему сметану. По вечерам сидели на крыльце, смотрели на луну и обсуждали соседей.

— Петровна опять самогон гнала, — говорил Кузьмич. — Дым такой стоял, что мой хвост чуть не закоптился.

— Это не дым, это астральные флюиды, — важно отвечала Таня. — Она ж экстрасенс районного масштаба.

Иногда к ним заходил участковый — человек простой, пьющий, но справедливый. Он долго смотрел на Таню, потом на Кузьмича и говорил:

— Вы бы хоть шторы задёрнули, товарищи нелюди. Люди же ходят, пугаются.

А люди действительно ходили. Особенно школьники, которые думали, что заброшенный дом на окраине — отличное место для селфи. После встречи с Таней трое стали вегетарианцами, один поступил в театральный, а девочка Маша написала сочинение «Как я провела ночь с вампиром», за которое получила пятёрку и вызов родителей в школу.

Так и жили. Тихо, мирно, по-деревенски. Вампирша, домовый и немного абсурда. Потому что Россия — она ведь вся такая: где ни копни, там либо святой, либо чёрт, либо оба сразу чай пьют.

Звонок из преисподней

Таня сидела на крыльце, грызла сушку и тосковала. Не по крови, не по молодости — сушки закончились. В селе Двуречки Липецкой области это уже повод для кризиса.

Телефон зазвонил внезапно. Номер был странный: +666... и что-то ещё мелким шрифтом, как в кредитном договоре.

— Алло? — сказала Таня осторожно.

— Мам, это я, Кристина! — голос дочери звучал так, будто она звонила из микроволновки. — У меня тут такое...

Кристина работала в аду. Ну, официально — «менеджер по оптимизации страданий», филиал Южное Котловище. Но суть та же: жара, бюрократия, начальство с рогами и корпоративы без закусок.

— Что случилось, доченька? — спросила Таня, чувствуя, как клыки сами собой выдвигаются от тревоги.

— Я развожусь с Пафнутием, — всхлипнула Кристина. — Он оказался банальным инкубом. Никакой глубины. Только секс и разговоры о фьючерсах на души.

Таня вздохнула. Она всегда говорила: выходи за кого-нибудь попроще. За лешего там, или хотя бы за участкового. Нет, подавай ей демона, который раньше был подростком человеческого детеныша.

— А депрессия у тебя откуда? — спросила Таня. — Ты ж нежить, у вас эндорфины вырабатываются автоматически при пытках грешников.

— Так вот именно! — зарыдала Кристина. — Раньше пытки были душевные: котлы, сковородки, вечность в очереди в МФЦ. А теперь всё оптимизировали. Грешники сидят в шлемах, смотрят документалки про ипотеку. Мне скучно, мам!

Таня задумалась. У неё самой жизнь была не сахар: огород копать некому, домовый Кузьмич опять ушёл в запой с водяным, а сериал «След» закончился на самом интересном месте.

— Слушай сюда, — сказала она строго. — Депрессия — это когда ты живёшь в Двуречках, тебе 214 лет после смерти, и все мужики либо козлы, либо буквально козлы. А у тебя ад, карьера и алименты в виде стонов мучеников. Соберись!

— Легко тебе говорить, — буркнула Кристина. — Ты хоть кровь пьёшь. А мне только смузи из отчаяния положено по диете.

— Ладно, — смягчилась Таня. — Приезжай на выходные. Я блины сделаю. На святой воде, как ты любишь. И Кузьмич обещал протрезветь.

— Правда? — оживилась Кристина. — А он играть на балалайке будет?

— Если допьётся до нужной кондиции — обязательно.

Они помолчали. Где-то в аду тикали часы, сделанные из костей бухгалтеров. В Двуречках лаяла собака, которая подозревала всех в связях с НАТО.

— Мам, — тихо сказала Кристина. — Я тебя люблю.

— И я тебя, кровиночка моя, — ответила Таня. — Даже если ты вышла замуж за этого... стартапера потустороннего.

Положив трубку, Таня пошла в сарай искать блинную сковородку. Жизнь продолжалась. Где-то далеко кипели котлы, здесь квасился капустный рассол. Вселенная была сбалансирована.

Чемпионат мира

Таня сидела перед стареньким телевизором «Рубин», поджав ноги в шерстяных носках. На экране бегали двадцать два миллионерских сына, пытаясь закатить мяч в ворота с упорством грешников на исправительных работах.

— Ну куда ты бьёшь, паразит?! — кричала Таня на всю избу так, что домовый Кузьмич просыпался за печкой и крестился перевёрнутым крестом. — Левее бери! Левее! Ой, всё...

Мяч улетел на трибуну, попал прямо в лоб какому-то бразильцу. Тот улыбнулся, помахал рукой и продолжил танцевать самбу. У Тани от возмущения зачесались клыки. Это был плохой знак. Когда у неё чесались клыки, это означало одно из двух: либо хочется крови, либо очень сильно хочется справедливости.

— Крови не хочу, — вслух рассуждала Таня, почёсывая верхний клык спичкой. — Курицу вчера ела. Значит, справедливости.

Справедливость по версии Тани заключалась в том, чтобы судья дал пенальти, комментатор перестал путать фамилии, а сборная России вдруг оказалась в финале вопреки законам физики и здравого смысла.

Кузьмич высунул лохматую голову из-за печи:

— Тань, может, хватит орать? У меня уже штукатурка сыпется. И вообще, футбол этот ваш — бесовщина. Вот раньше были кулачные бои на Масленицу — вот где эстетика!

— Цыц, нечисть, — шикнула Таня. — Тут судьба нации решается. Видишь, как мучаются люди? Им же холодно там, где они сейчас играют... В Антарктиде?

В дверь постучали. Участковый стоял на пороге с лицом человека, который видел слишком много жизни и один раз даже трезвым встретил пятницу.

— Татьяна, — сказал он строго. — Жалоба поступила. От космонавтов с МКС. Говорят, ваши вопли при трансляции заглушают их переговоры с Центром управления полётами.

— Петров, заходи, — обрадовалась Таня. — Я тебе бутерброд с чесноком сделала. Только сначала скажи мне: почему наши опять проигрывают? У них же ипотека, дети, ответственность перед страной!

Петров тяжело вздохнул, сел рядом и взял бутерброд.

— Потому что, Тань, футбол — это метафора русской жизни. Ты вроде стараешься, бежишь, пинаешь, а потом какой-нибудь аргентинец смотрит на тебя как на говорящую табуретку — и всё, жизнь дала трещину.

Таня задумалась. Клыки чесаться перестали. Видимо, справедливость временно восторжествовала или просто закончилась мелкая моторика челюсти.

— Налей-ка мне компоту, — сказала она миролюбиво. — И включи лучше «Поле чудес». Там хоть понятно, кто кого обманывает.

За окном падал снег, в телевизоре Леонид Аркадьевич загадочно улыбался, а где-то далеко-далеко грустил маленький Криштиану Роналду, потому что его снова забыли позвать в Двуречки на блины.

Жизнь была несовершенной, но удивительно уютной. Как старый носок после бани.

Ленин и коты: хроника локальной вендетты

Таня сидела на крыльце, грызла сушку с маком и тосковала. Не по крови — куриная в холодильнике ещё была, не по молодости — ей больше двухсот лет, какая уж тут молодость. Тосковала она глобально, как умеют только вампиры глубокой русской провинции: бессмысленно и с видом на соседский забор.

Рядом лежал её пёс — хаски по кличке Ленин. И взгляд у хаски был такой же бескомпромиссный, как у Владимира Ильича на броневике.

— Вот скажи мне, Владимир, — обратилась Таня к Ленину. — Почему жизнь такая? Вроде бессмертная я, всё видела: и Смуту, и дефолт 98-го, и сериал «Клон». А счастья нет.

Ленин поднял одно ухо, вздохнул тяжело, как министр финансов, и снова положил морду на лапы. Он тоже тосковал. Потому что третий день вёл личную вендетту против всех деревенских котов.

Началось всё с пустяка. Кот Барсик с улицы Ленина посмотрел на Ленина косо. Собака приняла это за идеологическую диверсию. На следующее утро все коты Двуречек обнаружили свои миски перевёрнутыми, а рядом — аккуратную кучку протеста.

— Это он им классовую борьбу демонстрирует, — объяснял Кузьмич, домовый, сидя на крыше сарая с семечками. — У него дедлайн по революции горит.

Коты ответили асимметрично. Ночью они проникли в сарай и написали на мешке с картошкой слово из трёх букв. Ленин прочитал утром, покраснел даже сквозь шерсть и объявил мобилизацию.

Теперь каждый вечер во дворе разворачивалась геополитика. Ленин сидел в засаде под яблоней, замаскированный сеном. Коты делали вид, что просто гуляют, но их хвосты выдавали заговор мирового масштаба.

— Смотри, смотри! — шептала Таня Кузьмичу вечером, наблюдая из окна. — Пушок пошёл на переговоры с Рыжим. Явно коалицию создают.

— Не нравится мне это, — качал головой Кузьмич. — Как бы до ядерной программы не дошло. У меня от радиации перхоть.

Апогеем конфликта стала среда. Ленин притащил домой трофей — тапок председателя сельсовета, который тот оставил у калитки. Положил посреди двора и смотрел на Таню взглядом победителя Куликовской битвы.

— Это что? — спросила Таня.

— Символ угнетения, — серьёзно ответил Ленин. — Я его экспроприировал.

Демонеев пришёл через час. Стоял на крыльце красный, как свёкла:

— Татьяна, ваш большевик мой выходной тапок украл! Я теперь в валенках по райотделу хожу, надо мной уже дежурный смеётся!

Таня развела руками:

— Издержки диктатуры пролетариата. Могу предложить компенсацию — банку солёных огурцов.

В итоге договорились: Ленин возвращает тапок, прекращает революционную агитацию, а коты обещают больше не смотреть на него вызывающе. Подписали договор кровью (куриной), скрепили печатью из сала.

Вечером Таня снова сидела на крыльце. Ленин спал у ног, свернувшись клубком абсолютной исторической справедливости. Коты ходили мимо с таким видом, будто ничего не было, но иногда оглядывались — проверить, не передумал ли.

— Эх, — сказала Таня сушенке. — Всё-таки хорошо в деревне. Никаких тебе биржевых кризисов, одни только межвидовые конфликты местного значения.

И впервые за неделю улыбнулась. Жизнь продолжалась. Где-то далеко падали империи, здесь квасилась капуста. Баланс вселенной держался на честном слове, одном разгрызенном тапке и собаке с манией величия.

Демонический кризис Кристиночки

Таня как раз заканчивала мариновать огурцы по бабушкиному рецепту — с листьями хрена, смородины и тихим проклятием на латыни. Вдруг в сених что-то грохнуло, зашипело, запахло серой и палёным синтепоном.

— Только этого мне не хватало, — вздохнула Таня, вытирая руки о фартук с котиками. — Опять Кузьмич самогон на адском перце ставил.

Но это был не Кузьмич. На пороге кухни стояла её дочь Кристина. Выглядела она так, будто три дня подряд смотрела Первый канал без перерыва: тушь размазана, крылья опущены, а вместо обычного корпоративного огня в глазах — вселенская тоска пополам с озоновым истощением.

— Мамочка... — прошептала Кристина и рухнула прямо в кадку с капустой. — Он меня бросил...

Таня мысленно перекрестилась (хотя вампирам нельзя), достала дочь из капусты и усадила на табуретку. От Кристины валил пар, как от чайника после инфаркта.

— Так, — сказала Таня твёрдо. — Дыши носом. Рассказывай. Пафнутый опять со своими фьючерсами на души перемудрил?

Кристина зарыдала так громко, что в соседнем селе у коровы пропало молоко.

— Хуже! — выла она. — Он сказал, что я токсичная! Что у меня синдром менеджера среднего звена преисподней! И забрал мою метлу «Бентли»!

Таня села напротив, налила дочери компоту из антистрессовой клюквы и придвинула тарелку с пирожками. Пирожки были с мясом грешников седьмого круга — очень успокаивает нервную систему нежить.

— Кристиночка моя, — начала Таня голосом человека, который пережил Смуту, дефолт и ремонт в хрущёвке. — Давай по порядку. Ты выходишь замуж за инкуба третьего разряда, живёшь в Южном Котловище, работаешь менеджером по оптимизации страданий. Чего ты ждала? Романтического ужина при свечах из костей праведников?

— Я думала, он изменится! — всхлипнула Кристина, макая пирожок в сметану. — Когда мы познакомились, он читал Ницше и играл на виолончели! А теперь только смотрит стримы блогеров-демонов и требует борщ по расписанию!

— Борщ — это святое, — строго заметила Таня. — Тут я его понимаю. Но разводиться из-за этого...

— А ещё он завёл себе стартап! — Кристина перешла на ультразвук. — Называется «Грешник-в-день». Подписка на страдания для начинающих мазохистов! Говорит, масштабируется плохо, потому что кадров нет! Кадров нет, мам! У нас в аду текучка выше, чем в Макдоналдсе!

Таня задумчиво почесала клык. Клыки чесались обычно перед революцией или когда кончалась соль. Сейчас явно было первое.

— Слушай сюда, кровиночка, — сказала она решительно. — Во-первых, вытри сопли. Во-вторых, верни метлу. По закону Нижних миров совместно нажитое имущество делится пополам. Включая душу кота Барсика, если он там у вас остался. В-третьих...

Она сделала паузу, выдерживая драматическую тишину, достойную МХАТа.

— ...В-третьих, переезжай ко мне. В Двуречки. Воздух свежий, люди простые, участковый хоть и пьющий, но надёжный. Будешь помогать мне огород копать. Очень терапевтически действует. Особенно ночью.

Кристина перестала рыдать. Посмотрела на мать красными глазами цвета просроченного кетчупа.

— Правда? — тихо спросила она. — А Кузьмич ругаться не будет?

— Кузьмич обрадуется, — ухмыльнулась Таня. — Ему давно нужен заместитель по терроризму. Да и Ленин твой хаски скучает. Всю вендетту против котов уже закончил, перешёл к депрессии.

Дочь слабо улыбнулась. Потом вдруг снова нахмурилась:

— Мам, а можно я привезу свой любимый кофеварочный артефакт? Тот, что варит эспрессо из отчаяния понедельников?

— Тащи всё, — махнула рукой Таня. — Кроме Пафнутия. Его даже святой водой поливать не буду — бесполезно.

За окном падал снег, где-то далеко в аду закрывался очередной филиал корпоративных страданий, а в избе пахло пирожками, уютом и неминуемым возвращением здравого смысла.

Жизнь продолжалась. Как всегда, вопреки логике, бухгалтерии и законам термодинамики.

Бык Петрович и грехи молодости

Таня сидела на крыльце в позе «вечность перед отпуском» — плечи опущены, клыки чешутся от меланхолии, взгляд устремлён туда, где заканчиваются её полномочия. В селе Двуречки это примерно за магазином «Продукты», сразу после лужи имени участкового.

Вампирская тоска — вещь специфическая. Это когда тебе двести лет, ты всё видела: татаро-монгольское иго, дефолт 98-го года, сериал «Школа». А счастья нет. Есть только огурцы собственного посола и хаски Ленин, который опять украл у кого-то тапок идеологического значения.

И тут эту тишину разорвал звук, похожий на сирену воздушной тревоги и визг тормозов одновременно.

— МААААМА!

На горизонте показалась Кристина. Её волосы развевались по ветру с аэродинамикой отчаяния, крылья были поджаты, как уши провинившегося спаниеля, а глаза выражали всю скорбь налогового инспектора в пятницу вечером.

За ней, тяжело дыша паром из ноздрей размером с лунку для гольфа, бежал деревенский бык Петрович. Бык был не простой — он был идейный. Бывший племенной производитель колхоза «Рассвет коммунизма», ныне пенсионер со скверным характером.

— Мама! — кричала Кристина, перепрыгивая через забор бабы Зины так грациозно, что та выронила тяпку. — Он меня преследует! Я ему просто сказала, что его рога — это компенсация за комплексы!

Таня вздохнула. Спустилась с крыльца одним движением существа, которое помнит лично Ивана Грозного, подошла к калитке и встала руки в боки.

— ПЕТРОВИЧ! — рявкнула она голосом, которым когда-то останавливала польскую интервенцию. — СТОЯТЬ СМІРНО, СКОТИНА КРАСНО-БЕЛАЯ!

Бык замер. Буквально вкопался в землю по колено. У Петровича была травма детства: Таня однажды объяснила ему основы бухгалтерского учёта НДС, после чего он неделю пил воду только из освящённого колодца.

Кристина, пользуясь моментом, залетела матери за спину и пыталась отдышаться, издавая звуки умирающего пылесоса.

— Мам, я не виновата! — заныла она. — Он стоял такой красивый, фиолетовый... Ну, в смысле, красный. Я решила применить навыки корпоративной мотивации из ада. Сказала, что если он пробежит марафон, получит премию в виде стога сена повышенной мягкости. А он почему-то обиделся!

— Ты назвала его «эйчар-брендом деревни», да? — догадалась Таня, глядя на дрожащий хвост Петровича.

— И ещё спросила, почему у него КРІ низкие! — всхлипнула Кристина. — Откуда мне знать, что у быков чувствительная самооценка?!

Петрович издал звук, средний между мычанием и заявлением в прокуратуру. Ему было больно. Не физически — душевно. Тридцать лет безупречной службы отечественному животноводству, и вот тебя мотивирует демонесса из преисподней.

Из-за забора высунулся Кузьмич:

— Татьяна, может, я его веником успокою? У меня заговорённый остался, от снохи достался.

— Не надо веника, — устало сказала Таня. — Петрович, иди домой. Жена твоя, Марфа, борщ сварила. На костном бульоне. Из тех самых бухгалтеров, которые тебя квартальной отчётностью мучили.

Бык посмотрел на Таню благодарными глазами ветерана Куликовской битвы, развернулся и побрёл прочь, переваливаясь с достоинством танка «Армада».

Таня повернулась к дочери. Посмотрела на неё тем самым взглядом, от которого пересыхают реки и уходят в монастырь налоговые инспекторы.

— Кристина, — начала она медленно, разделяя слова, как атомы. — Тебе сколько лет?
— 17.

— Вот. А ума как у инфузории в период турбулентности. Какая корпоративная культура?! Какой эйчар?! Это ДВУРЕЧКИ! Тут единственный HR — это участковый, и тот работает за самогон!

— Но мам, я хотела повысить эффективность сельского хозяйства...

— Эффективность повысит дождь, а не твои коуч-сессии с крупным рогатым скотом! — отрезала Таня. — Марш в дом. Будем пить чай с чабрецом и учить матчасть. Сегодня проходим тему «Как отличить колхозное быдло от стартапа».

Они пошли в избу. За окном садилось солнце. Петрович доедал чей-то огород, размышляя о бренности бытия. Хаски Ленин думал, что революция отменяется, — барыня занята воспитательным процессом.

Таня смотрела вслед дочери, которая уже потянулась к вазочке с печеньем, и понимала: бессмертие — это не дар. Это педагогическая практика длиной в вечность.

Вампириша Таня поправила на переносице картонажные клыки из «Фикс-прайса» и заглянула в комнату дочери. В комнате было темно, как в душе у налогового инспектора.

— Кристина, — позвала Таня голосом, полным загробной тоски и вчерашнего борща.
— Ау. Ты там цела?

Из-под одеяла, которое по плотности могло остановить танковую дивизию, раздался звук падающего метеорита. Это вздохнула семнадцатилетняя Кристина.

— Чего тебе, женщина? Я пытаюсь достичь дна Марианской впадины своего кризиса. Не мешай процессу.

Таня принялась. Пахло пылью, несбывшимися надеждами и котлетами. Она протянула поднос с едой прямо сквозь стену, потому что была вампиром старой закалки и не платила за ремонт.

— Ешь, детка. Кровь девственницы. Ну, то есть, свекольник со сметаной. Почти одно и то же по гемоглобину. Выходи давай, я шторы задёрну, а то ты тут совсем мумифицируешься.

Одеяло издало ещё один тектонический стон.

— Зачем мне свет, мама? Моя душа — это комната без окон в Мытищах. Там всегда пасмурно и капает с потолка чужое несчастье.

Таня села на край кровати. Кровать скрипнула так, словно жаловалась на жизнь своему психотерапевту.

— У всех подростков депрессия, — бодро сказала она. — Вот мы в твоём возрасте тоже страдали. От отсутствия польской туши «Пантер». Это был такой треш, что сама Анна Каренина бы передумала лечь на рельсы, посмотрела бы на нас и пошла варить компот. А сейчас чего? Айфон двенадцатый, парень твой этот... ну, который выглядит, как если бы скейт-борд научился говорить слово «краш».

— Его зовут Виталик, — глухо донеслось из-под одеяла. — И он глубокий. Он вчера три часа смотрел на сохнущую краску. Говорит, постигал бренность бытия. А потом съел доширак просто сухим, чтобы почувствовать текстуру тщеты.

Таня уважительно кивнула.

— Сильный мальчик. Но всё равно дурак. Доширак надо заливать кипятком, иначе гастрит, а это уже реальная боль, а не ваши ролевые игры в Достоевского.

Кристина высунула бледную руку из-под одеяла и драматично уронила её на пол.

— Вы ничего не понимаете. Ваше поколение жрало дефицит и радовалось фантику от жвачки. А мы живём в эпоху пост-иронии и глобального потепления. Мне страшно выходить на улицу. Там солнце. Оно выжигает мою тонкую душевную организацию.

Вампирша Таня, которая последние триста лет торговала рассадой на рынке в посёлке Двуречки и видела вещи, от которых натурально осыпались ангелы, закатила глаза.

— Солнце ей страшное. Да оно ласковое, как пьяный электрик! Хочешь настоящего ада? Поехали!

— Куда? — испуганно пискнуло одеяло.

— Ко мне. На работу. В ад. Я договорилась, тебя возьмут стажёром.

Через час они материализовались возле районной поликлиники номер четыре. Очередь в регистратуру вилась змеей, уходила за горизонт и имела собственную экосистему. Где-то в районе четвёртого колена очереди кто-то уже посадил картошку.

— Вот, — гордо сказала Таня, указывая на толпу уставших людей с полисами ОМС. — Чистилище. Нам сюда. Твоя задача — найти бабушку Зинаиду Петровну из третьего подъезда. Ей нужно направление к проктологу, но она уверена, что терапевт хочет забрать её квартиру через анальный зонд. Успокоишь её — считай, прошла первый круг.

Кристина смотрела на очередь огромными глазами. Рядом мужчина в сандалиях с носками громко доказывал кому-то в кнопочный телефон, что кефир подорожал из-за масонов.

— Мама, — прошептала Кристина. — Тут нет Wi-Fi.

— Именно, милая, — ласково пропела вампирша, доставая из сумки термос с тем самым «свекольников-девственником». — Зато здесь вечность течёт медленно, как сироп. Давай, иди. Пригодишься миру. Только куртку застегни, сквозняк от дверей преисподней — вещь коварная.

Кристина сглотнула, запахнула курточку и сделала шаг в сторону очереди. Депрессия никуда не делась, но теперь у неё хотя бы появился конкретный враг — талончик с номером Б-847. Вампирша Таня поправила на переносице картонажные клыки из «Фикс-прайса» и заглянула в комнату дочери. В комнате было темно, как в душе у налогового инспектора.

Психотерапия для нежити

Психотерапевт Аркадий Львович напоминал варёного рака, который чудом выжил, получил диплом и теперь мстит миру за страдания всего ракообразного рода. Он был красным, потел даже в минусовую температуру, а его галстук уныло висел, словно хвост того самого дохлого селёдочного настроения.

Напротив него, утопая в кожаном кресле, сидела Кристина. Дочь вампириши Тани из Двуречек. Семнадцать лет. Бледная, как простыня из советской гостиницы «Колос».

— Рассказывайте, — просипел Аркадий Львович, обмахиваясь папкой с надписью «Дела безнадежные». — Что привело вас в мою тихую гавань отчаяния?

Кристина поправила на шее шарф, хотя в кабинете было плюс тридцать от натопленной батареи-убийцы.

— У меня депрессия, доктор. Чёрная, как нефть. Я смотрю в стену, и стена смотрит в меня. И мы обе не одобряем увиденное.

Аркадий Львович сделал пометку: «Шизофрения? Нет, просто подросток. Или всё-таки шизофрения?»

— Стена — это метафора, я понимаю, — кивнул он, и его шейный платок сочувственно взмок. — А что говорит ваша матушка? Она же у вас... эм-м... альтернативно живущая?

— Мама Таня говорит, что моя меланхолия — это потому что я мало бываю на свежем воздухе, — монотонно произнесла Кристина. — Вчера она пыталась выгнать меня на солнце со словами: «Иди, погрей косточки, станешь румяной, как беляш! Выпьешь витамина D!». Доктор, я питаюсь разочарованием и остывшим кофе. Какой витамин D? Моя душа — это склеп с протекающим потолком.

Психотерапевт тяжело вздохнул. От этого вздоха с полки чуть не упал фарфоровый слоник-суицидник.

— Так-так. Протекающий потолок в душе... Образно. Давайте искать корень проблемы. Может, несчастная любовь? Этот ваш Виталик, который питается сухим дошираком и тленом?

Кристина посмотрела на доктора так, что тот почувствовал себя вчерашним бутербродом.

— Виталик глубокий. Он вчера три часа медитировал на ёршик для унитаза. Сказал, что это символ тщетности наших попыток очистить карму. Мы расстались. У него началась аллергия на мои вибрации.

— Понимаю, — серьёзно сказал Аркадий Львович, чувствуя, как начинает закипать уже при 36 градусах. — Потеря партнёра по бытовым химическим ритуалам — это травма. Но давайте вернёмся к маме. Вы говорите, она вампир?

— Истинный. Из-под Двуречек. Лицензия номер 402-Бис от Министерства Магических Дел. Боятся чеснока, ипотеки и звонков из ЖЭКа.

Доктор снял очки и начал протирать их краем рубашки, отчего стёкла стали ещё мутнее.

— Это многое объясняет. Смотрите, Кристина. Классический конфликт поколений. Ей двести лет, ей хочется покоя, посадить репу, может быть, кого-то нежно укусить за шею в парке культуры. А вам семнадцать. Вам нужен бунт. Протест. Чтобы мама страдала.

— Она не страдает, — фыркнула Кристина. — Она купила себе карту лояльности в «Пятёрочке» и счастлива. Говорит, кэшбэк баллами — это почти вечная жизнь. Где справедливость, доктор? Я тут умираю от несовершенства вселенной, а мой родитель копит на бесплатный сахар?

Аркадий Львович снова вспотел. Его краснота достигла оттенка «борщ премиум-класса».

— Ваша мать мудра. Кэшбэк — это единственная реальная магия в этой стране. Но раз вы хотите бунта... Давайте инсценируем. Что больше всего пугает древнего кровососа из провинции?

— Священники, осиновые колья и когда кончается растворимый кофе.

— Нет, глубже!

Кристина задумалась. Её бледное лицо впервые приобрело оттенок мысли.

— Когда её котлеты называют «полуфабрикатом низкого качества». Для неё домашняя еда — это способ привязать душу к телу. Если покуситься на её котлеты...

Психотерапевт Аркадий Львович был похож на варёного рака, который чудом сдал квалификационный экзамен и теперь мстил человечеству за свою отслоившуюся броню. Лицо его имело цвет спелого борща, а галстук висел так трагично, словно переживал личную утрату.

Напротив него в кресле то ли сидела, то ли просто стекала вниз бледная субстанция по имени Кристина. Семнадцать лет. Дочь вампирши Тани из посёлка Двуречки. Диагноз: «осеннее обострение вечности».

— Так, голубушка, — просипел доктор, обмахиваясь веером из журнала «Вестник проктологии». — Медикаментозно мы вас не лечим, потому что ваша мама Таня сказала, что чеснок вы и так не едите, а пустырьник для неё самой припасён. Будем вводить в транс. Это безопасно. Почти как ипотека, только без процентов.

Кристина вздохнула так, что у доктора чуть парик не отклеился от перегрузки атмосферным давлением.

— Доктор, я уже в транс. Я родилась в транс. Моя душа — это зал ожидания на вокзале города Нижние Лопухи. Поезда не ходят, кассир спит, пахнет чебуреками 1998 года выпуска.

— Прекратите поэтизировать! — рявкнул Аркадий Львович, становясь свекольным. — Вы мне тут ещё ямбом начните страдать. Смотрите мне в третий глаз. Он между вторым и четвёртым. Расслабьтесь. Ваше тело становится тяжёлым... очень тяжёлым...

Тело Кристины действительно было тяжёлым. В основном из-за чёрной кожаной куртки, двух цепей, кольца в носу и общего нежелания жить, которое весит примерно как чугунная батарея.

— ...Вы плывёте по тёплой реке забвения, — бубнил врач, сам потихоньку засыпая от собственного голоса. — Ваши веки закрываются... закрылись... Вы видите свет...

В голове Кристины.

Свет оказался тусклой лампочкой Ильича в погребе их дачи. На деревянном ящике сидел Виталик и жевал сухую макаронину.

— Кристина, — сказал Виталик голосом ржавой двери. — Посмотри на эту макаронину. Она прямая, пока сухая. Но стоит её кинуть в кипяток бытия, как она скрючивается от боли. Мы все такие макароны...

— Нет, не хочу! — мысленно взвизгнула Кристина. — Хочу нормальный ад!

— Работаем дальше, — голос доктора пробивался сквозь слои подросткового тлена. — Погружаемся глубже. Вам три года. Где вы?

Кристине стало три года. Она сидит на кухне в Двуречках. Мама Таня, тогда ещё румяная (потому что только вчера закусила председателем сельсовета), лепит пельмени.

— Кушай, доченька, — говорит молодая Таня, отрывая кусок теста. — Это не тесто. Это плоть реальности. А фарш — это перемолотые надежды твоего отца. Ешь, будешь сильной, никого не слушай, особенно этих, которые про личное пространство говорят. Какое может быть личное пространство, когда мы живём в однушке? Иди сюда, укушу в лобик, чтоб везло.

И маленькая Кристина смеётся. У неё нет депрессии, у неё есть розовый пластмассовый слон и план захватить мир до обеда.

— Доктор... — прошептала Кристина, не открывая глаз. — Мне кажется, меня обманули. Мне семнадцать лет назад продали бракованную душу. Кажется, это витринный образец, его кто-то уже возвращал.

Аркадий Львович промокнул лысину платком. Платок можно было выжимать над кадкой с фикусом.

— Спускаемся ещё ниже! Доутробный период! Что вы чувствуете?

— Тепло... Темнота... И капает сверху. Кажется, маму Таню затопили соседи-алкоголики. Она им уже пообещала превратить их в кактусы. Мне уютно. Депрессии нет. Есть только лёгкая жажда крови и желание переставить мебель в плаценте.

Доктор стукнул кулаком по столу. Звук вышел глухим, как надежда на квартальную премию.

— Девочка моя! Вот оно! Источник! Ваша депрессия началась не в семнадцать лет! Она началась, когда вы родились! Выход на свет — это же классический стресс! Резкая смена локации, падение серверов, потеря льгот ветерана сумрака! Вас вытащили из уютной темноты, где кормили через пуповину, на холодный кафель роддома номер четыре! Да там любой невротиком станет! Там даже санитар Михалыч пишет грустные стихи!

Психотерапевт Аркадий Львович вывалился из кабинета, держась за косяк. Лицо его имело цвет варёного омара, который перед смертью успел написать завещание и три тома мемуаров о тщете всего сущего. Галстук безвольно висел на боку, символизируя падение индекса Доу-Джонса.

В коридоре, подперев стену цвета «слёзы в офисе», стояла вампирша Таня. Она была бледна, элегантна и пахла озоном, тревогой и недорогим шампунем с экстрактом лопуха.

— Ну? — спросила она, не разжимая губ. Улыбаться ей было трудно: клыки из «Фикспрайса» постоянно норовили выпасть при артикуляции. — Что с моим ребёнком? Вы извлекли из неё этого... как его... внутреннего демона?

Аркадий Львович попытался сфокусировать взгляд. В глазах у него плыли круги, а внутри черепной коробки методично бил в колокол призрак приближающегося инфаркта.

— Демона мы оставили, — просипел он. — Где-то между миндалиной и желанием купить розовые кеды. Он там вместо хранителя склепа работает. Но депрессию я ампутировал. Полное исцеление.

Таня недоверчиво сощурилась. Её глаза, обычно красные от недосыпа и чтения жалоб в ЖЭК, стали похожи на лазерные прицелы.

— Как это ампутировали? Гипнозом? Я читала в газете «Оракул Двуречек», что после гипноза люди начинают кукарекать и отдавать пенсию телефонным мошенникам. Моя дочь теперь будет нестись по утрам?

— Хуже, — выдохнул доктор, присаживаясь прямо на банкетку для скорбящих родственников. — Она выздоровела.

Слово «выздоровела» прозвучало в стенах психдиспансера страшнее, чем «пожар».

— Это как? — прошептала Таня. — Она перестанет носить чёрное? Господи помилуй, да у неё вся кровь стечёт в поясницу от такого контраста с кожей!

— Не перестанет, — замахал руками врач. — Чёрный цвет стройнит, а ваша дочь, простите, питается эстетикой. Но вот этот её кризис размером с Саяно-Шушенскую ГЭС... Он схлопнулся. Произошла разрядка. Ваша Кристина осознала базовую вещь.

— Какую?! — взвизгнула Таня. — Что жить вечно скучно? Что чеснок добавляют даже в булочки? Я же говорила ей не трогать мою заначку в погребе!

— Нет. Она осознала, что депрессия — это просто физиологический сбой. Как насморк. Только течёт не из носа, а из кошелька родителей на оплату сеансов мне.

Из-за двери донёлся бодрый, жизнерадостный свист. Так свистят пионеры, идущие сдавать металлолом перед тем, как позвонить в вашу дверь. Свист был абсолютно неприлично здоровым.

Дверь кабинета распахнулась. На пороге стояла Кристина. Семнадцать лет. Бледная аристократическая кожа всё ещё на месте, но глаза! Глаза сияли нездоровым, почти люминесцентным оптимизмом.

— Мамулик! — пропела она, бросаясь Тане на шею. — Папулик! Ой, то есть, мамулечка! Как же прекрасен этот мир! Доктор сказал, что моя грусть — это просто недостаток магния и токсичное окружение!

Таня побледнела так, что стала прозрачной. Сквозь неё стал виден стенд «Уголок гипертоника».

— Какой магний, деточка? Мы нежить. Нам нужен гемоглобин младенцев, а не витамины группы Бэ!

— А ещё он сказал, что Виталик был энергетическим вампиром! — продолжала щебетать Кристина, крутясь вокруг матери. — Представляешь? Не метафорическим, а настоящим! Поэтому я чувствовала себя пустой. А когда я ему об этом сказала, он посмотрел на меня своими глубокими глазами, съел сухой роллтон без кипятка и ушёл медитировать на трансформаторную будку. Навсегда! Ура!

Кристина захлопала в ладоши. Звук был похож на выстрелы стартового пистолета на похоронах хорошего настроения Аркадия Львовича.

— Я решила начать новую жизнь! — объявила девушка. — Прямо сейчас! Мама, дай денег. Мне нужно купить курс «Пробуди в себе богиню». Там учат делать зарядку лицом и пить воду с лимоном. Лимон — это маленькое жёлтое солнце! Оно убивает тьму! То есть, нас, конечно, не убьёт, мы же бессмертные, но настроение поднимает!

Инфоцыгане

Кристина, семнадцатилетняя дочь вампириши Тани из Двуречек, сидела в позе лотоса. Ну, или в том, что у неё получалось за неимением растяжки и желания жить — нечто среднее между куском теста и упавшим мешком с картошкой.

На экране ноутбука вещала Афина. Настоящее имя Афины было Зинаида, родом она была из-под Уфы, но веб-камера волшебным образом превращала её съёмную однушку на окраине в сияющий храм вселенской мудрости. На заднем плане курился палочками-вонялочками дешёвый освежитель воздуха «Морской бриз».

— Слушай вибрацию своего внутреннего кристалла, сестра! — пела Афина-Зинаида, поправляя леопардовый халат. — Деньги — это просто застывшая энергия любви! Чтобы Вселенная открыла кран изобилия, нужно прокатать нижний дьянь-тянь!

Кристина тяжело вздохнула. Её нижний дьянь-тянь сейчас вибрировал исключительно от голода и спазмов скепсиса.

— Я купила тариф «Божественный» за пятнадцать тысяч, — мысленно напомнила себе Кристина. — Мама Таня чуть не лопнула, когда увидела списание. Сказала, что за эти деньги можно было купить два килограмма настоящей парной печени. Но печень — это тлен. А мне нужна чакра сахасрара!

Курс назывался «Пробуди в себе богиню 2.0: Манифестация миллиона через принятие своей теневой стороны». Теневая сторона Кристины хотела лечь лицом в стену и чтобы котлеты сами прыгали в рот.

— Открываем чат для практикующих! — скомандовала Афина. — Пишем отчёт о проделанной работе. Что вы сделали для своей божественности сегодня?

Кристина напечатала:

«Я отказалась от плотного обеда в пользу света. Визуализировала денежный поток. Он выглядел как канализационная труба, по которой кто-то спустил борщ соседей сверху. Потом я пыталась поймать энергию ветра, но меня продуло, и теперь болит шея. Наверное, это сопротивление эго».

Через секунду прилетело сообщение от куратора (настоящее имя — Вадим, колл-центр, график 2/2):

Вадим: Глубоко! Ты молодец! Борщ — это метафора непрожитых родовых сценариев. Купи наш амулет из прессованного картона со стразами за 3000 руб., он оттянет негатив.

Вечером в комнату вплыла Таня. Вампириша держала в руках счёт за коммуналку, который пах страхом и безысходностью сильнее, чем чеснок.

— Кристина, — начала она голосом, похожим на звук пенопласта по стеклу. — Я всё понимаю. Поиски себя, переходный возраст, Сатурн в ретрограде. Но объясни мне одну вещь. Зачем ты перевела каким-то цыганам... то есть, высшим силам... деньги, отложенные нам на гробы? В смысле, на чёрный день.

— Это инвестиция, мам, — важно ответила Кристина, не отрываясь от экрана. — Гуру Афина сказала, что бедность живёт в голове. Мы вчера практиковали технику «Денежный ангел». Надо было снять трусы, обмотаться пищевой плёнкой и кричать в окно: «Я магнит для кэшбэка!».

Таня замерла. Её лицо медленно приобрело оттенок старой штукатурки.

— Во-первых, мы на первом этаже. Во-вторых, напротив отдел полиции. В-третьих, пищевая плёнка предназначена для бутербродов, а не для ритуальной магии! Дочка, тебя обманывают. Это мошенники. Они даже слово «чакра» пишут с ошибкой в квитанции!

— Ты ничего не понимаешь в тонких материях! — вспыхнула Кристина. — У тебя энергополе, как у старого валенка! Вы все тут приземлённые! Виталик говорил...

При упоминании Виталика, медитирующего на трансформаторной будке, обе синхронно перекрестились. Таня — мелом от тараканов, Кристина — эмодзи-сердечком.

Ночью наступил апогей курса. Вебинар «Слияние с Абсолютом. Пакет Премиум».

— Сейчас мы будем рожать свою новую версию! — верещала Афина, активно потев под светом софитов. — Ложитесь на пол! Кричите! Тужьтесь! Изгоняйте демона нищеты!

Кристина легла на линолеум. Пол был холодный и подозрительно липкий в углу. Она начала тужиться. Демон нищеты выходить не хотел, зато предательски заныла поясница.

Кристина сидела перед ноутбуком, и её лицо цветом напоминало сметану, в которую уронили асфальт. На экране сияла Афина. Гуру была одета в шёлковое платье с леопардовым подбоем, а на заднем фоне курился палочками-вонялочками дух «успешного успеха» и дешёвого освежителя.

— Сестра! — вибрировала Афина. — Твой денежный канал забит! Чтобы пробить кармическую пробку, нужно купить мой эксклюзивный марафон «Вагина как инструмент переговоров». Всего сорок тысяч по акции!

У Кристины дёрнулся глаз. За спиной материализовалась мама Таня. Вампириша держала распечатку из онлайн-банка. От бумаги пахло валидолом и тихим семейным ужасом.

— Доченька, — ласково прошипела Таня. — Я всё понимаю. Поиски себя, сахасрара, ретроградный Меркурий в пятом доме твоего здравого смысла. Но объясни мне транзакцию: «Оплата за активацию внутреннего кристалла». Сорок две тысячи. Это же почти мешок отборной печени! Мы могли бы питаться неделю!

— Мама, не лезь в мою ауру! — огрызнулась Кристина. — Ты приземлённое существо тьмы, ты мыслишь категориями гемоглобина, а я мыслю вибрациями! Афина сказала, что если я не отдам деньги, Вселенная пошлёт мне урок!

— Она тебе уже послала, — Таня потрясла квитанцией. — Урок называется «ЖКХ».

В этот момент Афина на экране перешла к главной части:

— А теперь медитация! Представьте своего ангела-хранителя! Он стоит за спиной и гладит вас по голове невидимой рукой финансового благополучия!

Кристина закрыла глаза. Она честно пыталась представить ангела. Но вместо него воображение, уставшее от токсичного позитива, выдало совершенно другую картинку.

Там было темно. Пахло серой, пережжённой проводкой и немного шашлыком. И стоял ОН.

Демон Аззи. Папа.

Существо, которое почти двести лет назад решило, что командировка в мир смертных затянулась, выпило лишнего портвейна «777» в каком-то баре посёлка Двуречки, после чего на свет появилась Кристина. Алименты он платил исключительно страхом и нервными тиками соседей.

Папа был похож на очень недовольного налогового инспектора, который только что съел другого налогового инспектора. Рогами он цеплялся за притолоку ада, а хвост раздражённо постукивал по сковородке грешников.

«Пап», — мысленно пискнула Кристина. — «Мне кажется, меня обманывают. Эта женщина хочет забрать мои последние сто долларов, которые я украла из маминой заначки „на чёрный гроб“».

Аззи медленно повернул свою чешуйчатую голову. В глазах его полыхнуло геенское пламя.

«Курс личностного роста? Без лицензии?»

На следующий день вебинар начался странно. У Афины пропал интернет. Потом включился обратно, но на заднем фоне почему-то играла песня группы «Ленинград» про лабутены, хотя гуру такого не ставила.

А ровно в 19:00 раздался звонок в дверь.

Афине пришлось прервать трансляцию «Как открыть чакру кошелька».

— Муж, наверное, — буркнула она в сторону камеры, запахивая халат поверх кружевной комбинации. — Опять со своими претензиями...

Она открыла дверь. На пороге стояло нечто. Высокое, рогатое, пахнущее озоном и адской канцелярией. В руках оно держало планшет, на котором мигала надпись: «Проверка Роспотребнадзора по потусторонним делам».

— Гражданка Зинаида Петровна Кротова? — гулким басом спросил демон. — Налоговая преисподней. Инспектор первого ранга Аззи. Документики будьте любезны. Лицензия на торговлю божественностью имеется?

— Вы кто?! — взвизгнула Афина, пытаясь захлопнуть дверь. Но копыто демона уже прочно застряло в проёме.

— Я папа этой девочки, которая третий месяц питается праной вашего шарлатанства, — спокойно сказал Аззи. — Моя дочь Кристина плачет. А когда моя дочь плачет, котлы в аду закипают быстрее. Это нарушает температурный режим. Несоответствие СанПиНу.

Он втиснулся в прихожую. Леопардовый халат Афины вдруг показался ей жалким и синтетическим на ощупь.

— Позовите менеджера! — пискнула гуру, отступая на кухню.

— Я и есть менеджер, — ухмыльнулся Аззи, садясь на табуретку. Табуретка жалобно хрустнула.

Демон Аззи не любил Землю. Тут плохо работала админка, вайфай был медленнее грешника на Страшном суде, а еда состояла из сплошной химии и безвкусицы. Но долг платежом красен, особенно если этот долг — алименты за семнадцатилетнюю дочь-вампиришу Кристину.

Мошенницу Афину он нашёл в эпицентре её «храма». Это была съёмная двушка в Уфе, пропахшая палочками-вонюлочками с запахом «Тропический оргазм» и отчаянием курьеров.

Афина сидела в позе лотоса прямо на неоплаченном счёте за капремонт. На ней был шёлковый халат, который при ближайшем рассмотрении оказался бывшей шторой их прошлой квартиры. Вокруг ноутбука клубились астральные клиенты.

— ...и когда вы визуализируете золотой дождь изобилия, обязательно сжимайте мышцы малого таза! — вещала она в веб-камеру. — Энергия Кундалини должна бить копчиком прямо в банковское приложение!

Аззи кашлянул. Звук получился похожим на обвал шахты в Воркуте.

Афину подбросило. Халат-халат распахнулся, явив миру кружевную комбинацию и целлюлит четвёртой степени, напоминающий карту военных действий под Сталинградом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.